

Глава 22

Сун Лян был на взводе, но было видно, что он изо всех сил старается сдерживать хватку.

— Сун Лян, тише, успокойся! Давай просто поговорим... — Яо Юю, вопреки собственным словам, хотелось взвыть в голос.

Его охватил неопиcуемый ужас. И дело было даже не столько в боли, сколько в том липком чувстве беспомощности, когда твоё самое уязвимое место оказывается во власти другого.

Он любил Сун Ляна, но, честно говоря, они ещё не настолько хорошо знали друг друга. Кто знает, не вздумает ли тот в порыве чувств крутануть его достоинство или, чего доброго, дёрнуть посильнее, словно резинку?

Всё произошло в считанные мгновения.

И надо же было такому случиться, что именно в этот момент мимо их дома проходил староста деревни. Услышав шум, он, движимый лучшими побуждениями, тут же принялся колотить в дверь, справляясь о здоровье супругов.

Но те были слишком поглощены своим противостоянием и не услышали осторожного стука, а крики Яо Юя стали лишь громче.

Староста смекнул: дело неладно!

«Неужто Яо Юй чем-то прогневил Сун Ляна, и тот решил его жизни лишить?» — пронеслось в голове у старика.

Испугавшись не на шутку, он принялся со всей силы вышибать дверь.

Ситуация сложилась патовая: снаружи кто-то неистово ломится в дом, а внутри Сун Лян держит его мертвой хваткой, требуя немедленно «сдать экзамен». Как бы юноша ни плевал на приличия, он всё же не хотел окончательно потерять лицо.

Недолго думая, Яо Юй изловчился и, сохраняя дистанцию, повалил мужа на постель, после чего впился в его пухлые, до невозможности милые губы долгим поцелуем.

Это и стало его спасением.

В делах сердечных Сун Лян оказался сущим профаном. На словах-то он был грозен и готов к «решительному бою», но стоило супругу его поцеловать, как вся былая удаль испарилась. Он

разом обмяк, превратившись в податливый воск.

Снаружи всё ещё колотили в дверь, но Лян-Лян уже совершенно лишился рассудка.

— Теперь ты доволен ответом? — Яо Юй тяжело дышал.

Он замер, не сводя глаз с супруга, сердце его бешено колотилось в ожидании реакции. Если того не устроит такой ответ, юноша просто не знал, что делать дальше.

Ему совсем не хотелось так поспешно переходить к делу. Памятуя о прошлой неудаче, Сяо Юй всё ещё ощущал некую психологическую травму. Если и в этот раз что-то пойдёт не так, удар по его мужскому достоинству будет слишком велик. Он боялся, что после этого и вовсе не сможет считать себя мужчиной.

Но Сун Лян молчал. В его голове мысли ворочались медленно и неповоротливо.

«Яо Юй его поцеловал? Значит... он и впрямь ему дорог?»

Но как же так? Ведь мгновение назад тот явно сопротивлялся.

Яо Юй, обливаясь холодным потом, засуетился:

— Мне нужно выйти, там этот тип дверь сейчас с петель снимет.

Как только юноша отстранился, Сун Лян невольно разжал пальцы. Сяо Юй поспешил к выходу, а его муж так и остался лежать в оцепенении.

— Ох! — Староста чуть не рухнул на пол, когда дверь внезапно распахнулась. — Яо Юй? Ты как, цел? Живой?!

Юноша выдавил из себя бледную улыбку:

— Всё хорошо. Вы чего это в такой час?

Старик всё ещё сомневался и пытался заглянуть внутрь:

— Точно всё ладно?

Яо Юй поспешно заслонил собой проход:

— Сун Лян там... он ещё одеться не успел.

Староста понимающе усмехнулся и отступил:

— А-а, вот оно что. Ну вы и затейники, молодёжь... Впредь потише как-нибудь, а то я уж Бог весть что подумал.

Почесав затылок, он всё же перешёл к делу:

— Тут после войны в деревне решили храм построить и поселить там божество, чтобы смыть неудачу и выпросить благословение. Я как раз шёл к твоему отцу обсудить это, и статуя уже готова.

Староста планировал найти старика Яо ещё днём, но того вечно не было дома, вот он и решил зайти попозже.

— Что? — Сяо Юй впервые слышал о чём-то подобном. — И что это за бог?

Староста и сам не особо разбирался:

— Да божок какой-то безвестный. Говорят, в соседней деревне Дахэ ему уже лет десять поклоняются, и очень он помогает. В войну у них почти никто не погиб. Вот второй дядя Сун Ляна прослышал об этом и рассказал нашим. Теперь все хотят такую же статую у нас поставить.

Главной целью визита было выпросить побольше денег у отца Яо, но крики юноши не на шутку напугали старика. Если бы тот пострадал от рук своего фулана, отцу было бы явно не до жертвований.

— А если не поможет?

Староста поплотнее запахнул поношенный халат:

— Не поможет — другого найдем. Зима долгая, делать всё равно нечего, пусть народ хоть чем-то займётся, хоть какое-то развлечение. Может, и ты пожертвуешь немного серебра? Глядишь, Бог Удачи подарит Сун Ляну крепкого первенца.

Когда его «корень жизни» наконец вернулся в привычное положение, Яо Юй почувствовал, как всё тело обволакивает волна облегчения. В богов он не верил и хотел было отказаться, но потом подумал: а вдруг его муж верит?

— Я спрошу у него, осталось ли у нас что-нибудь из лишних денег.

— Ну, добро. Продолжайте тогда, не буду мешать, — староста похлопал его по плечу. — Ты, парень, делом лучше занимайся, а не этими вашими хитростями. Будет время — через пару дней приходи помогать статую тащить.

Яо Юй, криво усмехнувшись, выпроводил гостя.

В комнате Сун Лян уже успел с головой зарыться в одеяло. Яо Юй легонько потянул за край, но тот не поддавался.

«Неужто застеснялся?»

Яо Юю на миг захотелось хорошенько отшлепать его — надо же, теперь он вспомнил про стыд! Но вслух он этого, конечно, не сказал.

Присев на край кровати, юноша положил ладонь поверх одеяла, прямо там, где должно было находиться сердце Сун Ляна.

— Староста говорит, в деревне храм строить будут. Обещают, что просить детей там — самое верное дело. Спрашивал, не хотим ли мы пожертвовать на благое дело?

— А? — Юноша снова потянул за одеяло, но Сун Лян вцепился в него намертво. Тогда он легонько покачал его сквозь ткань. — Молчишь? Ну, как хочешь. Пойду тогда скажу, что мы не будем ничего давать.

Он сделал вид, что встает.

— Вернись! — Сун Лян резко откинул одеяло от лица. Голос его дрожал от смущения и досады.

— Так жертвуем?

Тот прикусил губу и бросил на него сердитый взгляд:

— Жертвуем!

Яо Юй с улыбкой запрыгнул обратно на постель.

— Хорошо, как скажешь, женушка. На днях разменяю серебро и отнесу.

Он улегся рядом, нежно обнимая супруга. В тусклом лунном свете, просачивающемся сквозь окно, он видел, как тот всё ещё судорожно сжимает край простыни, съёжившись в комок. Его тело было натянуто как струна.

Яо Юй вдруг остро почувствовал его тревогу. Он прижался губами к мягкому уху супруга и тихо прошептал:

— Я бросился спасать тебя, потому что ты мне дорог. И заботился о тебе, потому что хотел твоего внимания. Но... давай мы не будем торопиться с близостью?

Он почувствовал, как напряжение в теле Сун Ляна начало угасать. Юноша придвинулся ближе, запечатлев поцелуй на его мочке. Ухо было таким мягким, что одного раза ему показалось мало.

— Я никогда не думал, что женюсь так рано. Понимаешь... я совсем ничего не умею, никогда этому не учился. Дай мне время... подучить теорию. А когда я всё узнаю... — голос Яо Юя стал низким и хриплым, — я тебе всё покажу.

Руки Сун Ляна окончательно расслабились. Спустя некоторое время он подал голос. Обычно громкий и звонкий, сейчас он звучал не громче писка комара:

— И долго тебе учиться?

Значит, дело было не в нежелании, а в простом неумении.

Яо Юй стиснул зубы:

— С завтрашнего дня приступлю. Обещаю, я буду очень стараться. Ты не разочаруешься.

Сун Лян развернулся в его объятиях и, глядя широко раскрытыми глазами, легонько ткнул пальцем ему в грудь:

— Ну смотри... Только не заставляй меня ждать слишком долго.

Эту ночь Яо Юй провёл, раз за разом подтверждая свои клятвы.